

3. Лотман Ю. М. *Избранные статьи*. – Таллинн: Изд-во Таллиннского ун-та, 1992.

4. Муравьева О. С. *Фантастика в повести Пушкина «Пиковая дама» // Пушкин: исследования и материалы*. - Л.: Наука, 1978.

5. Раскольников Ф. *Статьи о русской литературе*. - М.: Информ, 2002.

6. Черняев Н. *Критические статьи и заметки о Пушкине*. - М.: РИД, 1990.

«А.С.Пушкиннің «Пиковая дама» повесіндегі рационалды және иррационалды арақатынас проблемалары осы жұмыста жан-жақты талданған.

The article "Problem of the correlation between rational and irrational in Pushkin's novel 'Queen of spades'" presents an independent attempt to analyse the complicated and conflicting content of this so far mysterious Pushkin's work. The author of the article regards as the main theme of "Queen of spades" some irrational spontaneous forces that occasionally have invincible power over the man.

УДК 84,22

Донскова Г.А.

к.ф.н., ст.преподаватель, ЗКГУ им. М. Утемисова

ИМЕНА ФАТИЧЕСКОГО НАЗНАЧЕНИЯ И ШИФТЕРЫ В СТРУКТУРО-ОБРАЗОВАНИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА (НА МАТЕРИАЛЕ ПОВЕСТИ А.С.ПУШКИНА «ГРОБОВЩИК»)

Юбилей Болдинской осени – еще один повод обратиться к творчеству Пушкина - поэта, прозаика и драматурга. Предлагаем взглянуть на художественный текст первого прозаического произведения, написанного Александром Сергеевичем в Болдине (9 сентября 1830 г.), с позиции семиотики – науки о знаковых системах, прежде всего языковых.

Среди семиотических аспектов интересным представляется возможность анализа структурообразования текста через шифтеры и имена фатического назначения. Предлагаая новую концептуальную структуру описания текста, остановимся на терминах, используемых нами как основа исследования

Шифтеры (термин Отто Ясперсена) – это грамматические категории, способные изменять характер связи сообщения с актом речи – переводить сообщение в разные плоскости по отношению к реальности, времени и участникам речевого акта.

Чарльз Пирс включал в этот вид знаков личные и указательные местоимения, а Р.О. Якобсон относил к шифтерам также глагольные категории лица, времени и наклонения.

Художественный текст повести как акт речи представлен сменяющимися друг друга структурами:

– повествованиями и описаниями с диалогами действующих лиц – живых и мертвецов;

- диалогами автора с его потенциальными читателями (и критиками).

Действующие лица повести – живые и мёртвые – вступают в диалоги и другие речевые/неречевые формы контакта, которые достаточно часто связаны с контактоустановлением, т.е. фатической функцией.

Фатическая функция в художественном тексте занимает особое место. Наряду с традиционным рассмотрением способов фатиса (дежурные приветствия, разговоры «ни о чем»), «среди контактоустанавливающих вербальных единиц», по мнению лингвистов, «значительное место занимают антропонимы. Их функционирование в разных языках определяется интралингвистическими закономерностями

и экстралингвистическими факторами»[4] Интралингвистические черты – выбор деминутивной или гипокористической формы (лингв. уменьшительное имя, неофициальный, образованный при помощи тех или иных словообразовательных средств вариант личного имени). Слова, выражающие уменьшительность, называются деминутивами, а гипокористики выражают ласкательность — при назывании человека или каких-либо других одушевленных или неодушевленных предметов. К экстралингвистическим факторам вокативного употребления антропонимов относятся этнокультурно-исторические традиции, обуславливающие выбор форм обращения.

Динамичная завязка представляет собой повествование без диалоговых форм, которые возникают в следующей сцене: «Извините, любезный сосед», сказал он тем русским наречием, которое мы без смеха доньше слышать не можем, „извините, что я вам помешал... я желал поскорее с вами познакомиться. Я сапожник, имя мое Готлиб Шульц, и живу от вас через улицу, в этом домике, что против ваших окошек. Завтра праздную мою серебряную свадьбу, и я прошу вас и ваших дочек отобедать у меня по-приятельски“.

Значительная часть антропонимов выполняет в тексте номинативную функцию: Адриан Прохоров (гробовщик Адриан Прохоров, Адриан)

- дочери Акулина и Дарья;
- господин и госпожа Шульц и дочка их, семнадцатилетняя Лотхен;
- старая купчиха Трюхина и другие действующие лица.

Фатическая функция реализуется в обращениях, которые содержатся в репликах и в этикетных речевых/неречевых формулах «Гости начали друг другу кланяться, портной сапожнику, сапожник портному, булочник им обоим, все булочнику и так далее. Гости начали друг другу кланяться, портной сапожнику, сапожник портному, булочник им обоим, все булочнику и так далее...». Интересно, что контактоустановление в сцене серебряной свадьбы, выраженное традиционной формулой тоста с включением в него имени звучит по-русски (до этого «разговор на немецком языке час от часу делался шумнее»): „За здоровье моей доброй Луизы!“ Фатическая формула повторяется четырежды, сопровождаясь другими семиотическими знаками. «За здоровье любезных гостей моих!» Последний вариант „За здоровье тех, на которых мы работаем, unserer Rundleute!“ (вариант перевода – за первого клиента) „Что же? пей, батюшка, за здоровье своих мертвецов“ – представляет собой оксюморон.

Текст кульминации завершается употреблением нулевого вокатива, когда в ответ на вопрос гостя-мертвеца, представившегося гробовщику в максимально полной трёхчленной форме + трёхчленная форма обозначения звания, что соответствовало официально-деловой сфере, особенно военной "Ты не узнал меня, Прохоров", сказал скелет. "Помнишь ли отставного сержанта гвардии Петра Петровича Курилкина, того самого, которому, в 1799 году, ты продал первый свой гроб - и еще сосновый за дубовый?" С сим словом мертвец простер ему костяные объятия, но Адриан, собравшись с силами, закричал и оттолкнул его.

Действующие лица у Пушкина связаны незримыми, но выявляемыми посредством семиотического анализа нарраторами – (от лат. Рассказчик, повествователь) *Лингв., лит.* : тот, от лица кого ведётся повествование; рассказчик, повествователь. Нарратор важен для изучения как внутритекстовых, так дискурсивных характеристик.

Контактоустановление (фатическая функция) в этих структурных формах представляется нам в двух типологиях:

- контактоустановление внутрисюжетное – между действующими лицами произведения;
- контактоустановление дискурсивное – между автором и читателем, а также автором реальным (А.С.Пушкин) и гипотетическим (Белкин как автор появляется в болдинских черновиках позже – 14 сентября 1830 г., сначала как Пётр Иванович Д., ставший позднее Иваном Петровичем Белкиным). Через год, уже в

опубликованных «Повестях Белкина» Издатель «выписывает для любопытных изыскателей» - «рассказан был ему ...приказчиком Б.В.». Возникает сложная цепочка «мнимых собеседников» читателя: Издатель - Иван Петрович Белкин – приказчик Б. В. Хотя это цепочка и формируется позднее, позволим себе не согласиться с высоким мнением В.И. Порудоминского и Н.Э.Эйдельмана, что в «Гробовщике» «личность рассказчика почти не видна...» и проявляется «только однажды»¹ Мы анализируем 3 подобных отрывка (см. ниже).

1. Просвещенный читатель ведает, что Шекспир и Вальтер Скотт оба представили своих гробокопателей людьми веселыми и шутливыми, *дабы* сей противоположностью сильнее поразить наше воображение. Из уважения к истине мы не можем следовать их примеру, и принуждены признаться, что нрав нашего гробовщика совершенно соответствовал мрачному его ремеслу. Богатство модальных оттенков сопровождает диалоги Автора и Читателя (37 слов: 5 глаголов с разнообразными модально-оценочными значениями и формами выражения модальности; два местоимения)

ГЛАГОЛЫ: Ведает, Представили, дабы поразить, (мы) не можем следовать, принуждены признаться

МЕСТОИМЕНИЯ: Указательное – сей; Личное – мы.

2. "Извините, любезный сосед", сказал он тем русским наречием, которое мы без смеха доньше слышать не можем, "извините, что я вам помешал... я желал поскорее с вами познакомиться» - в этом отрывке в авторской речи доминируют формы прошедшего времени: Спросил, Отворилась, можно было узнать, приблизился, было принято. Прямая речь героев представлена разнообразными глагольными формами: Извините, Помешал, Желал познакомиться, Живу, (завтра) праздную, Прошу отобедать (фатическая функция проявляется в формах этикетных оборотов). Заключительная часть диалога Адриана Прохорова и Готлиба Шульца представляет собой рассуждение. Здесь употреблены глагольные формы: торгует, пожаловаться не могу, обойдется, не живет, не купить, не прогневайся, ходит, даром берет.

Доминируют формы с несобственно настоящим значением:

-расширенного: торгует;

- абстрактного: не живет, ходит, даром берёт.

3. Третий отрывок с участием норратора также богат модальными оттенками: «Не стану описывать ни русского кафтана Адрияна Прохорова, ни европейского наряда Акулины и Дарьи, отступая в сем случае от обычая, принятого нынешними романистами. Полагаю, однако ж, не излишним заметить...»

Части текста, содержащие описание событий, построены на смене временных планов: «Последние пожитки гробовщика Адрияна Прохорова были взвалены на похоронные дроги, и тощая пара в четвертый раз потащилась с Басманной на Никитскую, куда гробовщик переселялся всем своим домом. Заперев лавку, прибил он к воротам объявление о том, что дом продается и отдается в наймы, и пешком отправился на новоселье. Приближаясь к желтому домику, так давно соблазнявшему его воображение и наконец купленному им за порядочную сумму, старый гробовщик чувствовал с удивлением, что сердце его не радовалось» Употреблены 57 значимых единиц, из них – 9 глаголов, большинство – в личной форме прошедшего времени изъявительного наклонения, что подтверждает реальный план сообщения.

ГЛАГОЛЫ: были взвалены, потащилась, переселялся, прибил он, продается и отдается, чувствовал, не радовалось.

ЛИЧНЫЕ МЕСТОИМЕНИЯ: Он, Им.

Основная часть номинации передается именами существительными – собственным (*Адрияна Прохорова*) и нарицательными (*гробовщик и старый гробовщик*).

Богатство модальных оттенков сопровождает диалоги Автора и Читателя

Просвещенный читатель ведаёт, что Шекспир и Вальтер Скотт оба представили своих гробокопателей людьми веселыми и шутливыми, дабы сей противоположностью сильнее поразить наше воображение. Из уважения к истине мы не можем следовать их примеру, и принуждены признаться, что нрав нашего гробовщика совершенно соответствовал мрачному его ремеслу.

Просвещенный читатель ведаёт, что Шекспир и Вальтер Скотт оба представили своих гробокопателей людьми веселыми и шутливыми, дабы сей противоположностью сильнее поразить наше воображение. Из уважения к истине мы не можем следовать их примеру, и принуждены признаться, что нрав нашего гробовщика совершенно соответствовал мрачному его ремеслу

(37 слов: 5 глаголов с разнообразными модально-оценочными значениями и формами выражения модальности; два местоимения)

ГЛАГОЛЫ: Ведаёт, Представили, дабы поразить, (мы) не можем следовать, принуждены признаться

МЕСТОИМЕНИЯ: Указательное – сей; Личное – мы.

Частотность шифтеров глагольного времени в описании семейного праздника вновь указывает на реальное прошедшее время: потребовал, запенилось, поцеловал, выпили, провозгласил, благодарили, начали следовать, пили (4), пил, развеселился, предложил, поднял и воскликнул, было принято, начали кланяться, закричал, захохотали, почел, нахмурился. Диалоги героев оживляют шифтеры настоящего времени и повелительного наклонения, делая изложение еще динамичнее: пей, мы работаем.

Внутренний диалог гробовщика Адриана сочетает шифтеры прошедшего и настоящего времени, сменяемого будущим временем: рассуждал, сказала, разувала, работаю; смеются, городишь, перекрестись, Хотелось было мне позвать, задать им, не бывать же, созову (я тех). Завершается ряд фатической формулой без антропонимов: Милости просим... попить; угощу, чем бог послал".

В сцене начинающегося мистического сна активизируются шифтеры ирреальности/неопределённости, выраженные повтором неопределённого местоимения КТО-ТО.

В диалоге Адриана и отставного бригадира – покойника сначала нет ничего ирреального, кроме указания на звуковой жест собеседника гробовщика – особую глухость его голоса:

"Вы пожаловали ко мне", сказал запыхавшись Адриан: " войдите же, сделайте милость".

"Не церемонься, батюшка", отвечал тот глухо: "ступай себе вперед; указывай гостям дорогу!"

Здесь присутствуют традиционные фатические формулы вежливости.

В монологе же главного гостя начинают проявлять себя шифтеры указательных местоимений, сочетающихся с личными: "Видишь ли, Прохоров", сказал бригадир от имени всей честной компании; "все мы поднялись на твое приглашение; остались дома только те, которым уже не в мочь, которые совсем развалились, да у кого остались одни кости без кожи, но и тут один не утерпел - так хотелось ему побывать у тебя..." В эту минуту маленькой скелет продрался сквозь толпу и приблизился к Адриану. Череп его ласково улыбался гробовщику. Ключки светлозеленого и красного сукна и ветхой холстины кой-где висели на нем, как на шесте, а кости ног бились в больших ботфортах, как пестики в ступах» - Мы, Ему, Тебя, на нём - те, Тут, Кой-где.

Текст кульминации завершается употреблением нулевого вокатива, когда ответом на вопрос гостя-мертвеца становится нечленораздельный крик.

Развязка возвращает повествование в русло реальности: «Солнце давно уже освещало постелю, на которой лежал гробовщик. Наконец открыл он глаза и увидел перед собою работницу, раздувающую самовар. С ужасом вспомнил Адриан

все вчерашние происшедствия. Трюхина, бригадир и сержант Курилкин смутно представились его воображению. Он молча ожидал, чтоб работница начала с ним разговор, и объявила о последствиях ночных приключений. "Как ты заспался, батюшка, Адриан Прохорович", сказала Аксинья, подавая ему халат. "К тебе заходил сосед портной, и здешний буточник забежал с объявлением, что сегодня частный именинник, да ты изволил почивать, и мы не хотели тебя разбудить". - "А приходили ко мне от покойницы Трюхиной?" - "Покойницы? Да разве она умерла?" - "Эка дура! Да не ты ли пособляла мне вчера улаживать ее похороны?" "Что ты, батюшка? не с ума ли спятил, али хмель вчерашний еще у ты не прошел? Какие были вчера похороны? Ты целый день пировал у немца воротился пьян, завалился в постелю, да и спал до сего часа, как уж к обедне отблагостили". - "Ой ли!", сказал обрадованный гробовщик. "Вестимо так", - отвечала работница. - "Ну, коли так, давай скорее чаю, да позови дочерей". В описании вновь наблюдается частотность шифтеров прошедшего времени (открыл, увидел, представились, начала, объявила, заспался, заходил, забежал, изволил почивать и т.д.). Группу местоимений составляют личные: он, с ним, ты, к тебе, мне. Указательное же местоимение в выражении до сего часа означают границу реальности - пробуждения и ирреальности – сна.

В качестве шифтеров могут выступать местоимения, наречия, глагольные суффиксы, а также другие языковые средства, которые соотносят рассказываемую историю с положением рассказчика во времени, тем самым усиливая непосредственность воздействия рассказываемой истории.

В свою очередь, Р.Якобсон, рассматривая проблему шифтеров, касается также явления «засвидетельствованности», под которым понимается сообщение говорящего о событии, основанное на высказывании другого лица и принимающее форму прямой, несобственно-прямой, косвенной или цитатной речи.

Завершение повести характеризуется повышением эмоциональности диалога (Эка дура! Ой ли? Что ты, батюшка? не с ума ли спятил, али хмель вчерашний еще у ты не прошел?).

Подводя итог исследования текста можно отметить значение, которое имеют имена фатического назначения (собственные и нарицательные) во внутритекстовой структуре, организуя диалоги и монологи героев повести. Пушкин, стоявший у истоков реализма в русской прозе, через варьирование имен фатического назначения (от внутрисемейного и внутригруппового батюшка, любезный сосед до официально-делового отставного сержанта гвардии Петра Петровича Курилкина) создаёт пёструю социально-психологическую картину Москвы первой трети 19 века. Шифтеры (категории лица и времени) организуют сюжет повести от завязки через кульминацию к развязке. От реальности – через мистическую картину сна с частотностью указательных и неопределённых местоимений – к реальности. Можно обратить внимание на своеобразное обрамление повести. В начале повести, несмотря на осуществлённую мечту гробовщика Адриана Прохорова о покупке дома «сердце его не радовалось». Последняя сцена, возвращающая героя в мир живых людей, показывает новое для него состояние: « — „Ой ли!“, сказал обрадованный гробовщик». Пушкин – гуманист делает счастливым своего мрачноватого героя только мыслью о жизни. Не в обладании богатства, не в осуществлении намеченных выгодных сделок, а просто в жизни среди родных людей!

В завершении отметим любопытную дискурсивно-биографическую деталь Болдинской осени: в письме к Н.Н. Гончаровой от 4 ноября 1830 г. Пушкин писал: « 9-го Вы были еще в Москве!.. Как Вам не стыдно было оставаться на Никитской во время эпидемии? Так мог поступать Ваш сосед Адриан, который обделывает выгодные дела..»

М.М.Бахтин описывает проблему текста и его восприятия как диалог: «Увидеть и понять автора произведения - значит увидеть и понять другое, чужое сознание и мир, т.е. другой субъект

При объяснении - только одно сознание, один субъект; при понимании - два сознания, два субъекта. К объекту не может быть диалогического отношения, поэтому объяснение лишено диалогических моментов(кроме формально-риторического). Понимание всегда в какой-то мере диалогично».

Список использованной литературы:

1. Бахтин М.М. Автор и герой. К философским основам гуманитарных наук. - СПб., 2000. <http://parshin.pochtamt.ru/pushkin.htm>
2. Болдинская осень. Стихотворения, поэмы, маленькие трагедии, повести, письма, критические статьи, написанные А.С.Пушкиным в селе Болдине Лукояновского уезда Нижегородской губернии осенью 1830 года. Сопр. текст. В.И. Порудоминского и Н.Э. Эйдельмана. - М., 1974. - С.51
3. Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. М., 2008, с.515.
4. Супрун В.И. Антропонимы в вокативном употреблении № 20(2001) Гуманитарные науки. Выпуск 4. Аспекты ономастических исследований <http://proceedings.usu.ru/base>

Мақала семиотикалық әдістемелерді көркем мәтіндерді талдауда қолдану проблемаларына арналған.

The article is devoted with problems of semiotic usage methods to analyses of artistic texts. The author is considered phatic proper names and shifters as basic structure formation of texts.

УДК 821.161.1:78.3

*Выдрина И.С.
студентка, ЗКТУ им.М.Утемисова*

ПУШКИНСКИЕ МОТИВЫ И РЕМИНИСЦЕНЦИИ В ТВОРЧЕСТВЕ РОССИЙСКИХ БАРДОВ XX ВЕКА

Пушкинские традиции творчески осваивались и трансформировались в русской литературе 20 века. Этот процесс постоянно имел место и в таком новаторском жанре, как авторская песня. Устное бытование авторской песни обусловило обращение в ней к разговорной речи, живым интонациям, фольклорным формам, что сделало ее поистине «народным жанром». Творения великого поэта через посредство авторской песни как бы обретали новую жизнь в эпоху, значительно отличающуюся от пушкинской.

Из поэтов-бардов А.Галичу в наибольшей степени свойствен интерес к русской литературе. В его песнях ощущается присутствие и В.Жуковского – предшественника и учителя А.Пушкина, и А.Грибоедова, и поэтов-декабристов, и А.Полежаева, и всей пушкинской поры, которая в лучших своих проявлениях соотносится А.Галичем с современностью:

И все так же, не проще,
Век наш пробует нас –
Можешь выйти на площадь,
Смеешь выйти на площадь,
Можешь выйти на площадь,
Смеешь выйти на площадь,
В тот назначенный час?!
Где стоят по квадрату
В ожиданьи полки –
От Синода к Сенату,
Как четыре строки?!